И душу в святости сберечь

Монолог Татьяны Дорониной

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ настроения сегодня. Ностальгия тех, кто уехал, и ностальгия тех, кто остался. Те, которые минуют ностальгию, заняты делом, по-нынешнему «бизнесом». Бизнес — как панацея от всех ностальгий, бизнес — знак ума, образования, интеллекта и обязательно «интеллигентности». «У него своя фирма, свое дело» — он интеллигент что надо.

На экране телевизора мелькают юные миллионеры, мальчики и девочки «на час». Они чередуются со старыми скрытыми миллионерами, развратниками в летах, политическими проститутками. В определенные часы нас радуют лица новых дикторов, журналистов и комментаторов. Каждый из них по своему разумению интерпретирует события, и в хаосе сегодняшней жизни окровавленная Сербия чередуется с победительницей на очередном конкурсе, цены «поданы» быстрым движением камеры, этаким бегом, пробегом, а дальше реклама «Лотто» или жалкое детское личико и очередной детский лепет: «Идите, спешите, покупайте только у нас и ни у кого больше».

У меня свободный вечер — это редкость, это отдых, это радость. Потому что все «это» ненужное и раздражающее сейчас кончится и начнется старое кино, и появится на экране то, что называется чудом — «актер». Профессия всегда дефицитная, а сегодня просто уходящая. Дефицит личности в обществе сказался в нашей профессии ярко, и однозначно, и печально. В «Трех сестрах» Чехова есть фраза: «Уходят наши! Ну что ж, счастливый им путь».

Я смотрю товстоноговских «Мещан», смотрю в десятый или двадцатый раз. Я плачу, смеюсь, затихаю, я восторгаюсь. Я смотрю гениального режиссера, который ушел из нашей жизни рано, и он так необходим сегодня. Потому что когда он был — наши театры имели точку отсчета. Был Он и были другие. Решение спектакля у Товстоногова было определено в первую очередь распределением ролей.

Лебедев — Бессеменов — уже предположение трагического выхода. Мука героя от бессилия научить своих болтающих о прогрессе и свободе детей жить как надо: «Ты студент — иди учись, а не по митингам бегай». Боже, какой консерватизм, анахронизм и какое полное отсутствие свободы и демократии. Совсем Доронина на старости лет свихнулась. Ностальгия у нее, видите ли, по мещанству. Ах, ах, ах — она сама мещанка и не демократка.

Я — Доронина Татьяна Васильевна, мне скоро 60 лет. 40 из них я работаю в театре. Я русская. Я живу в России. Я люблю Россию и свое дело тоже. Я не приемлю понятия «эта страна» — так может говорить только мерзавец. Я не понимаю тех, которые говорят «этот народ». Так выражаться может только безумец.

Есть и будет всегда святая Русь — моя страна и всегда будет мой народ.

Я народная артистка СССР — и что бы ни меняли и как бы ни называли нашу землю,— я останусь народной артисткой СССР. Потому что я сорок лет работала на СССР и играла на сценах Украины и Белоруссии, Казахстана и во всех остальных республиках, краях и областях. Я люблю, люблю их всех, и с этим тоже ничего не поделаешь. И народ моей страны — мой — потому что все лучшее я отдала всем, а не оставила себе, не заперла в свой дом.

Получила я свою народность от народа, от их смеющихся или заплаканных глаз, получаю цветы из рук — смуглых, белых, загорелых, мозолистых и потных. Неразрывность естественна и однозначна. Лукавые умы в неразрывности артиста от страны, от народа, от общей боли (большой) и радости (очень небольшой в последнее время) увидели опасность. Обозначив опасность, они стали «опасность» уничтожать, а потом вошли во вкус, в раж, в битву, в бой. За что, за кого — бой? Да не за кого, а против. Просто против — кино, театра, драматургии, прозы, поэзии, музыки, живописи. Но все эти понятия персонифицированы. Легко стравить — чтобы один кинорежиссер был против другого, поэт против поэта. Артисты — это вообще не проблема. Они ведь возбужденные, самолюбие гипертрофированное.

На экранах идут глупые, безвкусные иностранные боевики, порнофильмы, в театрах пустуют залы. Телевизор (я исключаю огромные серии из-за бразильского и мексиканского «красивого» зарубежья) стыдливо и торопясь показывает в неудобное для зрителя время старые фильмы.

И вот в них, в этих старых фильмах,— как напоминание о ликах — проходят прекрасные и великие Николай Симонов, Николай Черкасов, Вера Марецкая, Алексей Грибов, прекрасная Алла Тарасова, Ольга Андровская, Николай Крючков, Николай Рыбников и вечная боль потери (потому что раньше всех и моложе всех и так многократно талантлив) — Василий Шукшин. Я называю только часть, только малую часть, потому что за теми великими идут рядом с ними другие, не менее великие. Любовь Орлова, Фаина Раневская, Марина Ладынина, Борис Андреев и, конечно, Борис Бабочкин — величайший и божьей милостью обласканный.

Я сижу и плачу. Вера Марецкая поет романс, Мартинсон смотрит на нее влюбленными глазами телеграфиста Ятя, Раневская говорит: «Это для гостей поставлено». Грибов с Абдуловым беседуют о Греции, где «все есть». Идет пир талантов, праздник нашего ремесла, а я плачу и не могу остановиться. Мне жаль, что они оставили нас, и мы стали без них такие маленькие, бездарные, злые и беззащитные. Они унесли с собой умение ярко и талантливо шутить, быть целиком в теме, в образе, в авторе и одновременно не терять себя, своего «я», свою неповторимость. Чудо актерского искусства — это когда смотришь 20 раз «Свадьбу» по Чехову и оторваться невозможно. Воздействие одинаково и безусловно на все времена.

Я плачу, зная, что мои любимые киноартисты не имеют сегодня своего дома, что Марину Ладынину не пускают в театр — двери заперты. И стоят они на улице. Те, которые, помимо радости повсеместной от таланта, ума, красоты, юмора, принесли стране большие деньги, большую прибыль. А теперь — на улице. Их дом заняла какая-то фирма, купило некое СП, а эти, такие, как Ладынина, Крючков, Корниенко, Куравлев и пр., пр., пр., стоят на улице и не знают, «что делать», при том что отлично знают, «кто виноват».

Так кто же мы все такие и вы, товарищи, или, простите, господа? «Господа» над кем? Да не подходит вам это слово — «господа», господа предприниматели. Потому что если вы внимательно прочтете слово, то увидите, что «господин» и «господь» имеют общее начало, а следовательно, общую суть. К этой сути вы отношения не имеете, вы скорее «хозяева жизни», и обращаться к вам следует словом «хозяин». Но хозяин должен быть разумен и помнить должен, что жизнь вносит свои коррективы в хозяйство неразумного хозяина, и, выбрасывая, как хлам, как сор, как «вышедших в тираж», талантливых актеров, вы превращаете свое хозяйство в бесхозность, в нищету, в ничто.

Представляю лицо «хозяина», читающего эту статью (если кто-нибудь из «хозяев» читает «Правду»). Хотя где уж вам что-то читать: считать — вот ваше занятие. Бизнес!

Бизнес! Прочтите в булгаковском «Беге» монолог о долларе. Хотя, простите, это чистейший идеализм. Вы же знаете из Булгакова только две фразы. Первая про осетрину второй свежести, а вторая звучит так: «Что же это у вас ничего нет?» Я вам помогу, уважаемый хозяин, простите, господин, он же бывший товарищ. Вот вам Булгаков: «Доллар! Великий, всемогущий дух! Он всюду! Вон там, далеко, на кровле, горит золотой луч, а рядом с ним высоко в воздухе согбенная черная кошка — химера! Он и там! Химера его стережет.... И вот они уже идут! Идут! Потом они бегут! Потом они бросаются с воем грудью на колючую проволоку! Почему они кинулись? Потому что где-то оскорбили божественный доллар!»

Итак, «хозяин»! Ты решил купить «за так» здание театра киноактера. Купил. Тебе кто-то продал здание под... Подо что? Под ресторан? Под..? Скажи «товарищам» спасибо за подарок. Хотя где уж хозяину да «спасибо» говорить. Но вы, другие, которые тоже артисты, ведь с вами поступят так же, только чуть попозже. На что вы рассчитываете?

Мы, МХАТ им. Горького, это «прошли» на своих не защищенных тоже никем судьбах. Первым приказом № 383 министр Захаров «разделил» МХАТ. Труппе было оставлено здание по ул. Москвина. Три года коллектив и институт им. Мезенцева работали над проектом реставрации и реконструкции здания (бывшего филиала МХАТ) по улице Москвина. Когда устраивающий всех проект был готов, следующий министр Губенко приказом передает наше здание театру «Дружба народов».

Два с лишним года после «передачи» здание продолжало жить, разваливаться и разоряться. Появились новые претенденты в лице режиссера Виктюка с идеей своего театра, руководителя оркестра Плетнева и пр., и пр.

Но худрук театра «Дружба народов» почему-то упорно писал в свободной прессе, что «именно Доронина ведет себя капризно и не по-«товарищески» и не дает ему обустраивать его дом». Ах как некрасиво, Евгений Рубенович! Вам страшно было нападать на знаменитого Романа Виктюка и не менее знаменитого Плетнева. А Доронина ведь притча во языцех, о ней можно писать любую чепуху, поверят.

Ведь так многократно меня лупили за эти пять лет, вы решили подключиться и написали ложь. А правда в том, что один министр разоряет МХАТ, второй (который так любил петь под гитару во время выступления балета в Италии) отбирает здание, а уважаемый Е. Р. Симонов тоже любит ездить, да еще имеет свой театр им. Симонова (отца), и строительство завязло.

«Кто виноват?» Доронина!

Помилуйте, уважаемый, вспомните хотя бы, что я женщина, если вы забыли, что я актриса.

Итак актер и время. Время неприятное для актеров-профессионалов и очень благоприятное для дилетантов.

Дорогие мои коллеги, истинные артисты по призванию, а не по названию, нас не так много, но еще мы есть. То единственное, что мы можем сделать сегодня, называется «актерским братством». Истоки братства заложены в наших душах навечно — вместе с нашим идеализмом. Ведь стыдно не защищать друг друга. Стыдно, что до сих пор нет «Центра Василия Макаровича Шукшина», стыдно, что Николай Крючков не был допущен в свой театр.

Стыдно, что наши коллеги из Киева и замечательный Ступка играли свой спектакль почти в пустом зале. Стыдно, когда ереванские актеры во главе с замечательным Хореном Абрамяном три дня сидели в аэропорту и не могли вылететь на фестиваль имени Чехова. А когда после трех суток «сидения» они приехали со своим спектаклем в Москву и в день приезда вышли на сцену, в зале не было вас. Спектакль, поставленный Абрамяном, был лучшим из всех спектаклей, виденных мною на фестивале.

И, наконец, театральный фестиваль имени Антона Чехова. Имя гения мировой величины должно мобилизовать устроителей фестиваля на разумное составление афиши. Начинать чеховский фестиваль следует с чеховской пьесы. БДТ им. Товстоногова имеет в своем репертуаре замечательного «Дядю Ваню» в постановке Г. А. Товстоногова. Привозить и показывать Шиллера — это предательство по отношению к режиссеру, именем которого вы назвали (и справедливо) театр, и предательство своих работ, сделанных под руководством «этого режиссера».

Чхеидзе очень интересен и талантлив, но его постановка в тбилисском театре была намного сильнее. Перенос решенного спектакля на другую сцену с другими актерами всегда уязвим, всегда потеря.

«Вишневый сад» Петера Штайна. Создан почти по законам искусства.

Я говорю «почти» потому, что главное у автора в финале (это как в хороших стихах), главное: «Уехали, а обо мне забыли». Человека сегодня забыли. И вы забыли не одного «человека». Нет в вас жалости, нет сострадания. Чехов вне сострадания невозможен. Но таковы мы сегодня — по Петеру Штайну. А может, он прав? И мы в безумии повсеместных предательств — страны, народа, друг друга, своих гениев — и есть те «недотепы»?

Портрет Антона Павловича Чехова далеко виден отовсюду — он помещен над общественной уборной в центре Москвы. В фойе бывшего МХАТ стоит статуя — кто это? Кто изображен с половиной лица, без глаза и пустой головой, с ручкой, прижатой к борту сюртука, с разверстым пахом и тонкими ножками, танцующими и легкими, одетыми в сапожки «а ля рюс»? Написано — Пушкин. Да опомнитесь наконец, хозяева, господа хорошие. Таким Пушкина мог изобразить Дантес и иже с ним. От ненависти, от бессилия, от незнания языка, от невозможности прочесть Пушкина в подлиннике. Пушкин — наша защита, наше «все» — в литературе, в театре, в этике взаимоотношений. Над ним могут измываться только люди, ненавидящие нашу культуру, называющие нас — «этот народ», т. е. без роду без племени.

Без уважения, без бережного отношения к тому, что осталось, что должно быть сохранено, мы потеряем себя, мы будем не нужны и не интересны. Наконец, вам нечего будет продавать, господа-хозяева нашей жизни. Покупают неповторимость дымковской игрушки и печальные наши иконы с человеческими, страдающими глазами. Переводят Распутина, Белова, Лихоносова, в театр приходят смотреть Островского, Булгакова, слушать музыку Свиридова и Гаврилина, покупают за доллары билеты на «Бориса Годунова», закупают вологодское кружево, вывозят картины старых мастеров, скупают остатки, осколки поповского и кузнецовского фарфора. Причина этого «бизнеса на искусстве» — неповторимость, т. е. то, чего нет у других и быть не может. Потому что наше искусство — результат нашей биографии, нашей истории, нашей терпимости и незлобивости.

Господа и товарищи, хозяева и бизнесмены, депутаты всех республик, т. е. ближнего зарубежья, самое главное сегодня слово — глагол «сохранять». Страна, теряющая самое необходимое и самое незащищенное — искусство, теряет будущее, теряет детей. Но не думайте, что это только одна страна теряет, а другая приобретает. Не бывает этого — душу чужую в карман не положишь. Это мир целый теряет доброту, вместо лиц появятся звериные оскалы, жующие, пьющие и похотливые рыла. Как в знаменитом «Крысолове» — за совершенный городом грех крысолов уводит под звуки своей дудочки детей из города. Так символически обозначена самая страшная расплата. За грехи платят детьми, т. е. жизнью в будущем. Цепь прерывается. Все теряет смысл. Сегодня наши дети стали взрослыми раньше, чем полагается быть. Мы их уже изуродовали — маленькие, но уже взрослые. Их юные души не выносят тяжести грехов своих родителей, дети пропадают на сегодняшней свалке, состоящей из насилий, продаж всяческого рода, обманов, нищеты и грязи.

Вместо ужасающего шума «тусовок» им нужны хорошая музыка, добрые песни. Программы по литературе составлены бездарно и без знания отечественной литературы самими составителями. Мы теряем русский язык, обходимся минимумом слов в общении друг с другом, речь засорена иностранными словами. Научите для начала по-русски детей говорить, а то из эпитетов на сегодня осталось в обиходе только два — «круто» и «не слабо».

Позорно, что Третьяковка не открыта, что Ленинка фактически уничтожена. Позорно, что балет Большого театра стал детям совсем недоступен, да и взрослым тоже. Страна теряет для себя лучших исполнителей оперного искусства. Детям остаются книги с гнусными картинками, жвачка, вредная для здоровья, «пепси», портящая желудки, и фильмы с мордобоями, раздеваниями и совокуплениями. Давно пора одуматься и сказать громко самому себе и ближнему: «Читать надо хорошие книги, слушать только настоящую музыку и понять пора, наконец, что книги, музыка, театр, живопись, писатели, поэты, композиторы, режиссеры и актеры у нас есть и они выше по своему уровню, чем вокруг в мире». А потому выше, что жизнь у нас трагична. Искусство всегда в основе несет трагедию, ею питается. И не надо фраз про квасной патриотизм — старо и неправда.

Правда, 1992, 17 нояб. N 168